

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Павлов. Предостережение · 7

1. Импульс власти · 18
2. Лидеры и последователи · 26
3. Формы власти · 46
4. Священническая власть · 61
5. Царская и королевская власть · 85
6. Голая власть · 94
7. Революционная власть · 118
8. Экономическая власть · 133
9. Власть над мнением · 150
10. Вероисповедания как источники власти · 159
11. Биология организаций · 172
12. Полномочия и формы правлений · 195
13. Организации и индивид · 220
14. Конкуренция · 231
15. Власть и моральные кодексы · 246
16. Философии власти · 272
17. Этика власти · 282
18. Усмирение власти · 293

Предостережение

Книга «Власть. Новый социальный анализ» Бертрана Рассела, одного из самых значительных философов XX столетия, впервые была опубликована осенью 1938 года. В качестве спойлера можно сразу предупредить читателей о том, что она не стала ни мгновенным бестселлером актуальной политической теории, каковой оказалась, например, работа Карла Поппера «Открытое общество и его враги» сразу в момент ее публикации в 1945 году, ни классикой канона политической философии, впоследствии заново открытой для философского понимания всех тонкостей власти. То, что многие читатели (даже профессиональные), скорее всего, не догадывались о том, что такая книга существует, — яркое подтверждение озвученного тезиса. Спустя нескольких десятков лет забвения, в 1996 году, «Власть» была вновь издана «The Bertrand Russell Peace Foundation Ltd» в сопровождении очень хорошего введения, написанного Кирком Уиллисом в 1995 году. В 2004 году «Власть» вышла в серии «Routledge Classics edition» и теперь сопровождается предисловием Сэмюэля Бриттена. Уже в таком виде книга переиздавалась несколько раз (например, в 2010 и 2013 годах).

И вот, уже имея два представления книги, я пишу очередное, на этот раз третье. Зачем? Цель моего краткого предисловия двоякая. Первое, что я хотел бы сделать, так это предостеречь читать предисловие Сэмюэля Бриттена прежде, чем книгу самого

Рассела. Почему? С этим связан второй аспект моей цели. По моему мнению (подчеркиваю, что речь идет только о моей оценке), предисловие Бриттена — не очень удачное. Кроме того, что оно само изобилует оценками, также текст Бриттена не слишком содержательный и плохо справляется со своей главной задачей, и после него не очень хочется читать книгу Рассела. Введение Уиллиса — напротив, слишком удачное. Но после него книгу Рассела читать не хочется тем более. Дело в том, что, описывая контекст ее создания и ее цель, Уиллис вынужден признать, что «Власть» не стала тем, чем должна была, — важным вкладом в социально-политическую философию XX столетия. С этого же тезиса и ссылки на Уиллиса свое предисловие начинает и Бриттен. Уиллис, отмечая, что книга вышла не в самое удачное время, заканчивает введение таким образом: «В какой-то мере, однако, ответственность за неприветливый прием лежит на самой книге. Оказавшись работой по политической социологии, а не политической теории, она на самом деле не дает ни нового общего социального анализа, ни новых средств социального исследования, применимых к изучению власти всех времен и народов. Рассел просто не предложил ни объяснительной системы, ни аналитического аппарата, способного заменить аппарат Маркса, Фрейда, Дюркгейма или Вебера»¹. Согласимся, что, прочитав такие слова, у нас не возникает острого желания тут же познакомиться с относительно объемным трудом, в котором нет аналитического аппарата, объяснительной системы и нового анализа. И хотя сам Уиллис отмечает, что зато во «Власти» есть здравомыслие и интересные наблюдения, все же

---

1. K. Willis, "Introduction", in B. Russell, *Power: A new social analysis*. London: Routledge, 2004, p. xxv.

этого мало, чтобы «купить» наше внимание и чтобы у нас появилось желание потратить время на чтение целой книги. Итак, второй аспект моей цели — попробовать найти причины, которые стали бы основательными для тех, кто решится прочитать книгу.

Даже поверхностно знакомым с историей философии XX века известно², что Бертран Рассел очень рано стал законодателем интеллектуальных мод и долгое время считался едва ли не самым влиятельным философом англоязычного мира. Так было до 1914 года. Хотя он и раньше совершал вылазки в публичное пространство, все же его участие в политическом процессе было эпизодическим. Политика для него оставалась сферой случайной практики, и он не тратил на нее интеллектуальную энергию. Однако после начала Первой мировой войны Рассел стал писать о политике. Так, в 1916 году вышли «Принципы социальной реконструкции», в 1917 году — «Политические идеалы», а в 1918 году — «Пути к свободе». Тем самым Рассел осуществил переход от теоретической философии к практической, а в некоторых случаях — и прикладной. Или даже в публицистику. В целом Рассел писал очень много, активно, охотно. Иногда в отношении его публицистических работ кажется, что у него не было времени не только перечитывать то, что он написал, но и продумать то, что он пишет. Создается ощущение, будто буквы, слова и предложения у него опережали мысли и последовательные рассуждения.

---

2. К счастью, одна из самых известных биографий Бертрانا Рассела уже существует на русском языке. Желающие могут познакомиться с жизнью философа, прочитав: Р. Монк, *Бертран Рассел. Т. 1: Дух одиночества. 1872–1921*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023; Р. Монк, *Бертран Рассел. Т. 2: Призрак безумия, 1921–1970*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023.

Достаточно взглянуть на его неполный список последующих трудов: «Икар» (1924), «Во что я верю» и «Азы теории относительности» (1925), «О воспитании» (1926), «Набросок философии» и «Анализ материи» (1927), «Брак и мораль» (1929), «Завоевание счастья» (1930), «Научный взгляд на вещи» (1931), «Воспитание и социальный порядок» (1932), «Свобода и организация» (1934), «Религия и наука» (1935) и «Какой путь ведет к миру?» (1936). Приплюсуйте к этому многочисленные публикации в академических и общественно-политических изданиях.

У любого читателя, который собрался прочитать философскую книгу, возникает следующий очевидный вопрос: где во всем этом многообразии текстов хотя бы практическая или прикладная, но все-таки философия? Мы знаем, что в конце концов активное сочинительство Рассела, выполненное на актуальную тему, получило признание. В 1950 году философу присудили Нобелевскую премию по литературе за книгу «Брак и мораль» и, что немаловажно, публицистическую деятельность. То есть во многом работы Рассела, не связанные с философией, официально считаются публицистикой. Но, может быть, мы можем обнаружить в Расселе-публицисте и Рассела-политического философа? Едва ли можно сомневаться, что Рассел сам очень хотел, чтобы «Власть» оставила след не как очередная его публицистическая книга, но именно как работа, которая — о чем и гласит подзаголовок — предложит новый философский анализ старого феномена. Бриттен пишет, что Рассел оспаривал доминирование в социальном анализе Маркса и Фрейда, а Уиллис, осторожно замечая, кого именно мог бы превзойти философ, перечисляет большее число имен — Маркс, Фрейд, Бергсон, Сорель, Парето и Парсонс. Рассел, не страдавший от отсутствия амбиций, считал, что книга в самом деле станет ос-

нованием новой социальной науки, хотя и без того, чтобы познакомиться с существовавшей на конец 1930-х годов социальной наукой.

В цитате, приведенной выше, Кирк Уиллис заметил, что «Власть» оказалась работой по «политической социологии», а не по политической теории. Вместе с тем, если прочитать книгу, конечно, легко убедиться в том, что это совсем не так. Тот же Уиллис сообщает, что вся «Власть» основана на собственном интеллектуальном капитале Рассела, а не на каких-либо новых исследованиях. Иными словами, Рассел осуществлял «новый социальный анализ» на материале, который помнил, знал и наблюдал вокруг, но не опускался до того, чтобы еще и что-то исследовать. Отсюда и основная проблема книги. Может показаться, что, являясь то ли социологической, то ли социально-философской, она не становится ни тем ни другим. Например, Бертран Рассел, характеризуя разных демократических лидеров в США, упоминает термин «магнетизм» (magnetism)³. Конечно, куда более подходящим термином здесь была бы «харизма», но философ не утруждал себя тем, чтобы заглянуть в тексты Макса Вебера, имя которого в книге «Власть», разумеется, отсутствует вообще (точнее, упоминается один раз, но во введении Кирка Уиллиса). К счастью, хотя в книге есть и исторические примеры, она хотя бы не задумывалась как прорыв в исторической науке.

Тем не менее я бы хотел предположить, что «Власть» все же может быть вписана в контекст социальной и политической философии. Каким образом? Хотя бы в силу ее содержания. Сперва давайте обратим внимание на то, что изображено на обложке

---

3. Russell, *Power*, p. 32.

книги «Routledge Classics edition» 2004 года и последующих стереотипных изданий. На ней нарисован провод с розеткой. Видимо, дизайнер обложки руководствовался одним из главных и самых известных тезисов книги о том, что власть в социальных науках, — то же самое, что энергия в физике. Экономический мотив человеческой деятельности (марксизм), протекающей после удовлетворения первичных потребностей, Расселу не кажется убедительным. Власть (и слава) — вот то, что заставляет человека предпринимать социальные действия даже тогда, когда, казалось бы, он проживает в комфортных условиях. Но поскольку власть — сложное и многогранное явление, она, разумеется, существует в разных формах, таких как богатство, вооружения, гражданская власть, влияние на мнение и т. д. Рассел не озаботился тем, чтобы структурировать книгу. Однако при элементарной перекомпоновке материала она стала бы куда более ясной уже на уровне оглавления, то есть замысла. Тем не менее у Рассела есть оправдание для такого подхода. По его мнению, власть нужно рассматривать вообще, то есть в постоянном переходе из одной формы в другую, а не как просто ее конкретную форму, и задача социальной науки — поиск законов таких трансформаций. И хотя, возможно, сами законы в книге найти трудно, по крайней мере, у нас есть объяснение логики авторских рассуждений.

В том виде, в каком работа в итоге вышла, просто последовательно перечислены все формы власти. Однако Рассел на самом деле в тексте дает их классификацию, хотя и не в первых двух главах, что в очередной раз подтверждает последовательность его письма. Поскольку законы социальной динамики для Рассела можно сформулировать только в категориях власти, существующей в разных своих формах

(священническая, царская и королевская власть, голая власть, революционная, экономическая, власть над мнением, вероисповедания как источники власти и т. д.), то, чтобы открыть эти законы, необходимо сперва назвать различные формы власти, а потом изучить различные исторические примеры того, как организации и индивиды приобретали контроль над жизнями людей. Этим философ и занимается. Впрочем, Рассел не ограничивается только этим, выходя в конце книги на тему ограничений, этики власти, а также рассматривая философии власти, где ожидаемо появляется Фридрих Ницше.

Какие же основания для типологизации власти предлагает Бертран Рассел? По его мнению, власть может быть разделена на власть над людьми и над мертвой материей. Рассела, конечно, интересует прежде всего власть над людьми. Власть над людьми, в свою очередь, можно разделить на власть над индивидами и на власть организаций. С точки зрения Бертрана Рассела, на индивида влияют: 1) прямая физическая сила в отношении его тела (например, убийство); 2) награды и наказания, являющиеся стимулами; 3) влияние на мнение, то есть пропаганда в самом широком смысле слова. Подробнее Рассел останавливается на последнем, так как здесь речь идет о том, что у людей, на мнение которых влияют, вырабатываются определенные привычки. В данном случае философ обращается к довольно сомнительным аналогиям с животными, приводя в пример то, как связанную свинью затаскивают на корабль, осла подвешивают морковку, а иных — промежуточный тип — просто дрессируют. Так, случай свиньи, согласно Расселу, иллюстрирует военную и полицейскую власть, осла с морковкой — пропаганду, дрессированных животных — власть «обучения». Рассел, кстати, призывает не преувели-

чивать значение пропаганды как форму власти, потому что она на самом деле редуцируется к другим формам власти — экономической или политико-административной, являясь лишь инструментом. В плане власти организаций называются армия и полиция (принуждение), экономическая власть (награды и наказания), школы, церкви и политические партии (влияние на мнение). Здесь в пример приводится власть права. Так, право, существующее в государстве, является действенной формой власти, пока общественное мнение его признает таковым. Если люди не будут одобрять право как систему действующих норм в государстве, то право перестанет быть формой власти.

Другой типологизацией власти в книге становится деление власти на традиционную и приобретенную. Конечно, здесь снова остро не хватает Макса Вебера (в случае традиции), но Рассел обращается хотя бы к Никколо Макиавелли (в случае приобретенной власти). Традиционная власть — сила привычки. Почти всегда она, основанная на согласии, связана с религиозными верованиями. Власть, которой чуждо согласие, для Рассела становится «голой» властью — как правило, это военная власть, внутренняя тирания или внешнее завоевание. Однако между этими двумя формами нет строгой преемственности. Например, после того как традиционная власть ослабевает, ей на смену не обязательно приходит власть голая, но вполне возможно, это может быть революционный авторитет, с которым соглашается большинство или значительное меньшинство (например, Война за независимость в США). Революционная власть возникает, когда множество людей объединяются ради веры или идеи (протестантизм и коммунизм). Различие между тремя названными формами власти основано на психологии. Так, если

уважение, которое подданные испытывают к традиционной власти, теряется, то она переходит в голую власть. В целом все перечисленные Расселом формы власти анализируются.

Помимо типологизации, множества исторических примеров, у Рассела есть точные наблюдения, что, впрочем, как достоинство книги отмечают практически все, кто писал про «Власть». Так, философ пишет о новом типе «властителя»: «Развитие крупных экономических организаций произвело новый тип могущественного индивида — им является, как говорят в Америке, „руководитель“ (executive). Типичный „руководитель“ производит на других впечатление, поскольку они видят в нем человека быстрых решений, пронизательности и железной воли; у него должна быть квадратная челюсть, поджатые губы и привычка к быстрой и отрывистой речи. Он должен уметь внушать уважение равным и уверенность — подчиненным, которые и сами далеко не ничтожества. В нем должны сочетаться качества великого полководца и великого дипломата — безжалостность на поле боя и способность к ловким уступкам в переговорах. Именно благодаря таким качествам люди приобретают контроль над важными экономическими организациями»⁴. Также Рассел упоминает и такие формы власти, как «закулисная власть» (участие в политике придворных, интриганов, шпионов, фаворитов и проч.). Кроме всего этого, из текста «Власти» можно извлечь фразы, которые могли бы стать прекрасными афоризмами, например: «Те люди, которые более всего хотят власти, в целом с наибольшей вероятностью ее и приобретают» или «Наиболее успешными демократи-

---

4. Russell, *Power*, p. 31–32.

ческими политиками становятся те, кому удалось уничтожить демократию и стать диктаторами».

Таким образом, предшествующий абзац может быть аргументом, почему книгу все же стоит прочитать. Она написана не только легко и интересно, но и весьма познавательно. Хотя и не все вещи, но некоторые в ней выглядят довольно актуально. Но все же главный аргумент в том, что «Власть» может быть вписана в историю социально-политической философии. Например, между Вебером и Арендт или между Вебером и Фуко. Хотя некоторые отмечают, что Рассел не предложил системы, но так и Фуко ее не предложил. Конечно, Рассел — не Фуко, но тем интереснее изучить его понимание власти. Тем более что он часто мыслит глубоко, не раз отмечая, что мы должны изучать не формы власти, а именно саму власть, которая переходит из одной формы в другую. Или же книга Рассела может быть сопоставлена с идеями Ханны Арендт. Она, например, утверждала: «Власть (power) соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать согласованно. Власть никогда не бывает принадлежностью индивида; она принадлежит группе и существует лишь до тех пор, пока эта группа держится вместе. Когда мы говорим о ком-то, что он находится „у власти“, мы на самом деле говорим, что некоторое число людей облекло его властью действовать от их имени. В тот момент, когда группа, от которой первоначально произошла эта власть (*potestas in populo* — без народа или группы нет власти), исчезает, исчезает и „его власть“»⁵. Мы видим, насколько контрастирует понимание власти Арендт с позицией Рассела. Исходя из контекста филосо-

---

5. Х. Арендт, *О насилии*. Москва: Новое издательство, 2014, с. 52.

фии власти благодаря вкладу Рассела в тему могут быть сделаны новые теоретические открытия.

Одним словом, у нас есть хороший повод («власть» как общий предмет политической теории), чтобы вписать Рассела — политического философа в историю политической философии XX века. Тем самым я бы хотел заключить, имея в виду все сказанное выше, что книга Рассела, сколь бы публицистичной она ни казалась, вполне себе является трактатом по политической философии, и за счет ее анализа мы могли бы более объемно рассмотреть проблемы власти в социально-политической философии XX столетия, а может быть и XXI. Уже хотя бы поэтому книгу можно и даже нужно прочитать. И, вероятно, хотя бы сюжетом включить ее в университетские курсы по социальной и политической философии.

*Александр Павлов,
д. филос. н., профессор,
руководитель Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук
НИУ ВШЭ;
ведущий научный сотрудник,
руководитель сектора социальной философии Института философии РАН*

Импульс власти

МЕЖДУ человеком и другими животными существует немало отличий, одни из них интеллектуальные, другие — эмоциональные. Одно из основных эмоциональных отличий заключается в том, что некоторые человеческие желания, в отличие от желаний животных, по сути своей безграничны, то есть их невозможно полностью удовлетворить. Удав, если он поел, спит, пока к нему не вернется аппетит; если другие животные и не поступают точно так же, причина в том, что еда не удовлетворяет их в той же мере, что и удава, или же в том, что они боятся врагов. За немногими исключениями деятельность животных управляется первичными потребностями в выживании и воспроизводстве и не выходит за пределы того, что требуется этими потребностями.

У людей все иначе. Конечно, значительная часть человеческого рода вынуждена работать на удовлетворение своих нужд столь много, что на другие цели остается совсем немного сил; но те люди, чьи основные жизненные потребности удовлетворены, не перестают по этой причине действовать. У Ксеркса не было недостатка в еде, одежде или женах, когда он отправился в Афинскую экспедицию. Ньютон мог быть уверен в том, что его быт будет устроен, с того момента, как стал постоянным преподавателем Тринити-колледжа, однако именно после этого он написал свои «Principia». Св. Франциску и Игна-

тию Лойоле не нужно было основывать орден, чтобы избежать нужды. Они были выдающимися людьми, однако те же качества, пусть и в разной выраженности, обнаруживаются во всех людях, не считая незначительного меньшинства исключительных лентяев. Миссис А., которая вполне уверена в деловых успехах своего мужа и не боится домашнего труда, хочет одеваться лучше миссис Б., хотя опасности подхватить пневмонию она могла бы избежать и с гораздо менее существенными тратами. И она, и сам мистер А. будут довольны, если мистера А. посвятят в рыцари или же выберут в парламент. В мечтах нет предела воображаемым триумфам, и, если они считаются возможными, к их достижению прикладываются определенные силы.

Воображение — приманка, которая заставляет людей что-то без устали предпринимать даже после того, как их первичные потребности удовлетворены. Большинству из нас знакомы лишь немногие моменты, когда бы мы могли сказать:

Теперь мне умереть
 Великим счастьем было бы! Душа
 Полна предельной радости. Боюсь я,
 Что радости подобной не подарит
 Неведомый мне рок.

(Отелло. Акт 2, сцена 1. Перевод А. Радловой)

Когда мы испытываем эти редкие моменты полного счастья, для нас, как и для Отелло, вполне естественно пожелать смерти, поскольку мы знаем, что удовлетворение не будет длиться вечно. То, что необходимо нам для такого неубывающего счастья, для людей невозможно: только Бог может обладать полным блаженством, ибо Его «есть Царство и сила и слава». Земные царства ограничены другими царствами; земная сила обрывается смертью; земная

слава, пусть мы даже строим пирамиды или же «повенчаны со строфой бессмертной» (Вордсворт), стирается поступью столетий. Тем, у кого мало силы и славы, может показаться, что их бы удовлетворило, если бы у них было того и другого чуть больше, но в этом они ошибаются: их желания ненасытны и бесконечны, и только в бесконечности Бога они могут найти отдохновение.

И если животные довольствуются простым существованием и воспроизведением, люди желают все большего и большего, и в этом отношении их желания ограничены только тем, что представляется возможным их воображению. Каждый человек хотел бы, будь это возможным, быть Богом; и некоторым по-настоящему сложно согласиться с тем, что нечто невозможно. Это люди, скроенные по лекалу мильтоновского Сатаны, то есть подобно ему они сочетают в себе благородство с нечестивостью. Под «нечестивостью» я имею в виду качество, которое не зависит от теологических убеждений — она есть не что иное, как отказ признавать ограниченность индивидуальной человеческой власти. Это титаническое сочетание благородства с нечестивостью более всего заметно в великих изобретателях, но какая-то его доля обнаруживается в любом человеке. Именно она осложняет общественное сотрудничество, поскольку каждый из нас стремится понимать его по образу сотрудничества Бога и Его почитателей, причем мы сами должны в таком случае занять место Бога. Отсюда конкуренция, потребность в компромиссе и правительстве, стремление к бунту, сопровождающееся неустойчивостью и периодическими вспышками насилия. Отсюда же необходимость морали, которая бы ограничивала анархическое самоутверждение.

Главные из бесконечных желаний человека — это желания власти и славы. Они не совпадают, хотя

и тесно связаны друг с другом: у премьер-министра больше власти, чем славы, у короля — больше славы, чем власти. Как правило, однако, кратчайший путь к прославлению — это обретение власти; особенно это относится к тем людям, что активны в общественных делах. Следовательно, желание славы в основном толкает к тем же действиям, что и желание власти, и два этих мотива в большинстве практических обстоятельств могут рассматриваться в качестве одного.

Ортодоксальные экономисты, а также Маркс, который в этом отношении с ними согласен, ошибались, предполагая, что экономический интерес можно считать фундаментальным мотивом социальных наук. Желание товаров, если отделить его от власти и славы, конечно и может быть полностью удовлетворено достаточно скромными навыками. Действительно дорогостоящие желания определяются вовсе не любовью к материальному комфорту. Законодательное собрание, ставшее угодливым в силу коррупции, или частная галерея работ старых мастеров, отобранных экспертами, — вот «товары», что стремятся обрести ради власти или славы, но вовсе не в качестве удобных помещений, где можно спокойно посидеть. Когда достигнута достаточно умеренная степень комфорта, и индивиды, и сообщества начинают стремиться к власти больше, чем к богатству: они и правда могут стремиться к богатству, как способу достижения власти, или же они могут и вовсе забыть об увеличении богатства, чтобы добиться прироста власти, но как в первом случае, так и во втором, их фундаментальный мотив экономическим не является.

Эта ошибка ортодоксальной и марксистской экономики является не просто теоретической, она обладает величайшим практическим значением, и она же привела к тому, что некоторые из главнейших собы-

тий недавних времен были поняты неверно. Только если мы поймем, что любовь к власти является причиной деятельности, важной для социальных явлений, можно будет верно истолковать историю, как древнюю, так и современную.

В этой книге я буду заниматься доказательством того, что в социальных науках фундаментальным понятием является власть, в том же смысле, в каком энергия — это фундаментальное понятие физики. Подобно энергии, власть существует в разных формах, таких как богатство, вооружения, гражданская власть, влияния на мнение. Ни одна из этих форм не должна рассматриваться в качестве подчиненной другой, и нет такой формы, из которой выводились бы все остальные. Попытка рассматривать одну определенную форму власти, например богатство, отдельно от всех остальных может привести лишь к частичному успеху, так же как исследование одной определенной формы энергии будет в чем-то ущербным, если не учесть остальные. Богатство иногда возникает из военной власти или же из влияния на мнение, так же как и обе эти формы могут сами проистекать из богатства. Законы социальной динамики — это законы, которые можно сформулировать только в категориях власти, но не в категориях той или иной формы власти. Раньше особое место было у военной власти, и потому казалось, что победа или поражение зависят от привходящих качеств полководцев. В наши дни экономическая власть обычно рассматривается в качестве источника, из которого выводятся все остальные ее разновидности; я же буду доказывать, что это столь же существенная ошибка, как и заблуждение военных историков, которые из-за нее сегодня кажутся устаревшими. Точно так же некоторые люди считают фундаментальной формой власти пропаганду. Это, конечно, да-

леко не новое мнение, поскольку оно выражалось и в таких традиционных принципах, как «*magna est veritas et prevalebit*» (истина велика и пребудет в силе) и «кровь жертв — семя Церкви». В нем содержится столько же истины и заблуждения, что и в чисто военном или экономическом взгляде. Пропаганда, если она может создать практически единодушное мнение, способна породить непреодолимую власть; но те, у кого в руках военные или экономические рычаги управления, могут, если они того пожелают, использовать их в целях пропаганды. Если вернуться к аналогии с физикой: власть, как и энергия, должна рассматриваться в своем постоянном переходе из одной формы в другую, и задача социальной науки должна состоять в поиске законов таких трансформаций. Попытка обособить любую из форм власти, и, в частности, как это делается сегодня, экономическую форму, была и остается источником заблуждений величайшей практической важности.

Разные общества во многих отношениях относятся к власти по-разному. Прежде всего, они различаются в той степени власти, которой обладают определенные индивиды или организации; например, очевидно, что в силу роста организованности у государства сегодня больше власти, чем в былые времена. Они различаются, во-вторых, типом наиболее влиятельной организации: так, военный деспотизм, теократия и плутократия — все это весьма несхожие типы власти. В-третьих, они различаются разнообразием способов приобретения власти: наследственное королевство производит один тип человека, возвышающегося над остальными; качества, требуемые от верховного церковника, производят другой тип; демократия — третий, а война — четвертый.

Если нет такого социального института, как аристократия или наследственная монархия, ограни-

чивающего число людей, для которых власть вообще возможна, те люди, которые более всего хотят власти, в целом с наибольшей вероятностью ее и приобретают. Отсюда следует, что в социальной системе, где власть открыта для всех, посты, означающие власть, как правило, будут занимать людьми, отличающимися от среднего человека своим исключительным властолюбием. Властолюбие, хотя оно и является одним из наиболее сильных мотивов человека, распределяется весьма неравномерно, причем оно ограничивается многими другими мотивами, такими как любовь к удобствам, любовь к удовольствиям, а иногда и любовь к одобрению. У более робких оно маскируется в готовности подчиняться руководителям, что увеличивает размах стремления к власти смельчаков. Люди с недостаточно сильным властолюбием, скорее всего, не окажут значительного влияния на ход событий. Люди, из-за которых в обществе происходят перемены, — это, как правило, и есть те люди, что обладают сильным желанием произвести такие перемены. Следовательно, властолюбие — это качество людей, которые важны как причины. Мы, конечно, ошибемся, если сочтем властолюбие единственным мотивом человека, однако эта ошибка не приведет нас к непомерно большим заблуждениям в поисках причинно-следственных законов в социальной науке, поскольку властолюбие — главный мотив, производящий перемены, которые и должна изучать социальная наука.

Законы социальной динамики — как я буду утверждать — можно сформулировать только в категориях власти, существующей в разных своих формах. Чтобы эти законы открыть, необходимо, прежде всего, отклассифицировать различные формы власти, а потом изучить различные исторические приме-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru